

Эту историю Цзя Чжипо рассказывал каждому встречному — дескать, зовут его Цзя Чжипо, только вот саму Ван Сифэн он в глаза не видал.

Звучало странно, но лжи в этом не было ни капли.

Родом он происходил из Сианя, что в провинции Шэньси. Отец его был крестьяном — ковырялся в земле в поисках пропитания, а ладони его покрывали мозоли толщиной с палец. И надо же было такому случиться, чтобы этот самый пахарь до смерти увлекся телесериалом Сон в красном тереме! Досмотрев до конца, он непременно пожелал наречь сына Цзя Чжипо.

Кто-то спрашивал, почему не назвать мальчика Цзя Баоюй, на что отец неизменно отвечал: «Цзя Чжипо — куда круче».

Из уст этого человека подобные речи звучали дико. Крестьянин с лицом, иссеченным глубокими оспинами, рассуждал о привлекательности персонажей сериала так бойко, будто отдал этому делу всю жизнь.

К счастью, Цзя Чжипо отца не разочаровал. Сколько себя помнил, над этим именем то и дело подшучивали, однако сам он вырос писанным красавцем — лицом бел и чист, куда там его отцу с рябым лицом.

Закончив университет, он остался в Ухане и устроился ассистентом на кафедру. Жалованье составляло всего несколько тысяч юаней в месяц, жизнь текла впроголодь, но зацепиться в большом городе всё же удалось.

Наступил 2020 год, и Ухань закрыли на карантин. Цзя Чжипо, человек по природе своей неусидчивый, просидел взаперти целых два месяца.

Восьмого апреля, ровно в полночь, локдаун сняли.

В тот же день Цзя Чжипо затащил в машину пару приятелей и укатил на загородную базу отдыха к северу от Уханя. Двое суток напролет они пили вино, резались в карты и удили рыбу, выплескивая наружу всю накопившуюся за два месяца изоляции энергию.

Последнюю попойку он помнил смутно — напился до бесчувствия.

Когда же очнулся, в голове так раскалывалось, будто её пытались расколоть надвое.

Цзя Чжипо прищурился и уставился на полог над головой.

Полог был алым, с вышитыми на нем уточками-мандаринками. Столбы кровати — резными деревянными, украшенными узорами. Столы и шкафы в комнате — сплошь старомодные.

В воздухе витал слабый аромат сандала.

Что-то было не так.

Цзя Чжипо приподнялся, в висках бешено пульсировало.

Он прекрасно помнил, как они сидели во дворе базы отдыха вокруг жаровни и пили крепкую водки. Как он очутился здесь? Подобное убранство, эта обстановка — всё это существовало в совершенно ином измерении по сравнению с его съемной убогой квартиркой.

В голове мелькнула догадка.

Он читал немало сетевых романов.

Дверь со скрипом отворилась.

Вошла женщина, неся в руках таз с водой.

Её волосы были уложены в высокую прическу и заколоты серебряной шпилькой, на ней было шелковое платье. Лицо казалось бледноватым, словно она не выспалась, но черты были поистине прекрасными.

Точь-в-точь героиня исторической драмы, сошедшая с экрана.

Заметив, что он проснулся, женщина мгновенно просияла.

— Вы наконец очнулись.

Она торопливо подошла ближе, держа таз, а её голос подрагивал: — Напугали вы меня до смерти.

Цзя Чжипо приоткрыл рот.

Ответить на это было нечего.

— Слава небесам, Второй господин наконец пришел в себя. Вчера вечером вы чуть душу из госпожи не вытрясли. Скоро рассвет, а если бы вам не стало лучше, госпоже оставалось бы только идти в покои к старой матушке и госпоже с повинной.

Цзя Чжипо бросил беглый взгляд на стоявшую перед ним женщину — в прошлой жизни она бы

запросто носила титул первой красавицы университета. С ответом он спешить не стал.

В глубине души он прекрасно понимал: скорее всего, он попал в иное тело. Вот только с удачей не повезло. Судя по всему, вчера была брачная ночь прежнего владельца тела, да только сам он её не перенес.

— Начало хуже некуда. Интересно, хоть до супружеского ложа дело дошло?

Размышлять об этом было некогда, сначала требовалось разобраться в текущей обстановке.

Эта прекрасная служанка назвала его Вторым господином, что вроде бы сулило неплохие перспективы, но кто знает, каково истинное положение дел? Подавив бурю в душе, он постарался придать голосу как можно более безразличный тон: — Только проснулся, в голове всё еще туман. Что вчера стряслось? Где ваша госпожа?

Он изо всех сил постарался скопировать интонации только что говорившей с ним женщины.

Пиньэр на мгновение замерла, вглядываясь в этого мужчину — он словно бы отличался от тех слухов, что ходили вокруг него.

Она присела в легком поклоне: — Отвечаю Второму господину: вчера вы надирались с родственниками из клана Ван, да перебрали лишнего. Возвращаясь, сбились с пути и заблудились в покоях Цуйчжу, что и попало на глаза госпоже — вышел большой скандал. Вы оступились и ударились головой. Госпожа ни на миг не сомкнула глаз всю ночь, неотлучно дежуря у вашей постели. А только что сюда заглядывал побеситься Второй барин Баоюй, так госпожа, боясь потревожить матушку, выбежала остановить его.

В голове Цзя Чжипо гулко зазвенело.

Его звали Цзя Чжипо, и с Красным теремом он был знаком неплохо. Добавьте к этому прозвище «Второй барин Баоюй» — и он практически с ходу догадался, куда угодил.

Цепляясь за последнюю соломинку надежды, он с трудом выдавил из себя: — Как тебя зовут?

Он страстно желал услышать в ответ: «Шутите вы, барин, что ли?» Но, очевидно, раскатал губы слишком сильно.

— Отвечаю Второму господину: эта служанка — личная горничная госпожи, меня зовут Пиньэр.

У Цзя Чжипо упало сердце.

И впрямь угодил в тело Цзя Чжипо. Черт побери, почему он в свое время не сменил имя?

Голову нестерпимо кружило, он махнул рукой: — Ступай пока, я хочу побыть один.

Когда Пинъэр удалилась, Цзя Чжипо больше не смог держаться на ногах и без сил рухнул обратно на постель.

Переселение само по себе не вызывало у него отторжения. Ему за тридцать, одинок, в Ухане ничего не держит. На малой родине остались родители, да и два брата о них позаботятся. Беда в другом — неужели при переходе нельзя было выбрать персонажа получше? Почему кто угодно, но только не Цзя Чжипо?

Стоило вспомнить всю эту грязь из Красного терема, а заодно вообразить своего отца, умудрившегося профукать прекрасные карты, как у Цзя Чжипо снова начинала ныть голова.

Голова раскалывалась.

Раскрыв глаза, Цзя Чжипо обнаружил, что мысли его по-прежнему крутятся вокруг того же.

Уж лучше бы он переродился каким-нибудь побочным отпрыском вроде Цзя Хуаня или Цзя Цуна. При его-то способностях можно было бы заблаговременно сыскать способ отделиться от Клана Цзя, глядишь, и прожил бы неплохо. На худой конец сошел бы и Цзя Жун. Над ним — всего один полоумный отец; стоит прибрать к рукам Цзя Чжэня, и особняк Нинго перейдет в его единоличное владение. Да вдобавок заполучить Цинь Кэцин — а ведь она почиталась первой красавицей во всем Красном тереме!

Но угораздило же угодить именно в Особняк Жунго, да еще и в старшего сына из главной ветви, прямого наследника титула.

Статус Цзя Чжипо сулил безумную, невыносимую нагрузку.

И горше всего было то, что его тоже звали Цзя Чжипо.

— Второй господин, вы очнулись?

В голосе слышался остаток пережитого страха и легкая дрожь.

Цзя Чжипо приподнялся на локтях и бросил взгляд на стоявшую у изголовья фигуру.

Ван Сифэн.

Воистину природная красавица. Пускай ей едва перевалило за десяток лет — нет, по здешним меркам она уже молодая жена, — но эта манящая аура уже пробивалась наружу, в каждом движении глаз сквозило невероятное очарование.

Ван Сифэн всё еще тревожно колотилось сердце.

Они были знакомы с Цзя Чжипо с детских лет, но росла-то она в компании Цзя Чжэня из Восточного особняка. Тот отличался крутым нравом, и она с молодых ногтей терпеть не могла этого размазню Цзя Чжипо.

К тому же этот парень смолodu отличался ветреным нравом, таща в свои покои всякую дрянь. Родные решили выдать её замуж за такого человека, и она противилась этому всею душой.

Однако отец с матерью кивнули, сваты пороги оббили, и права голоса у нее не оставалось. Воображавшая себя небожительницей фея была вынуждена с горечью в сердце покориться и выйти замуж.

Кто бы мог подумать — в первую же брачную ночь, пока она пролиwała слезы перед праздничными свечами, до нее дошли вести, что Цзя Чжипо завалился в комнаты какой-то девки по имени Цуйчжу.

Пятнадцатилетняя Ван Сифэн взорвалась на месте.

Характер у нее от природы был взрывной, и если бы не приличия первого брачного вечера да усердно удерживавшая её Пинъэр, она бы непременно подняла на уши весь особняк.

Лишь когда во всем разобрались, выяснилось: Второй господин просто перепил и перепутал двери.

Но было уже поздно. Из-за ее криков и скандала и без того еле державшийся на ногах Цзя Чжипо оступился, приложился головой о ножку стола и замер замертво.

Тут уж ситуацию было не замять.

Ван Сифэн в панике велела перенести Цзя Чжипо в её покои и просидела над ним всю ночь без сна.

Жених потерял сознание в свадебную ночь — права ты или нет, а в таком влиятельном клане, как клан Цзя, это тяжкий грех. Попадись родня посвирепей, с нее бы случилось и развода потребовать.

Глядя на перепуганное лицо Ван Сифэн, Цзя Чжипо лишь вздохнул.

Что ж, по крайней мере, проснулся он в её постели.

Девчонке от силы пятнадцать, но черты лица уже источают ослепительную красоту. Любуясь ею, Цзя Чжипо невольно усмехнулся.

— Фэн'эр, который час?

Голос его звучал мягко, без нажима. Ван Сифэн услышала, щеки ее порозовели, а остатки тревоги в груди немного рассеялись.

— Второй господин, скоро час дракона. Вам пора вставать, старая матушка, батюшка с матушкой — все уже ждут впереди.

Не успела Ван Сифэн договорить, как Цзя Чжипо вознамерился было вскочить. Час дракона — это около семи утра, самое время подниматься. Но переведя взгляд на лицо Ван Сифэн, он внезапно замер.

Проследив за её взором, Цзя Чжипо заметил кусок белого шелка, оставленный на краю постели. В ту же секунду в голове молнией пронелась догадка.

Вчера вечером он свалился без чувств в комнатах Цуйчжу и попросту не успел исполнить супружеский долг с Ван Сифэн. Она же опасалась, что из-за отсутствия следов девственности ей не перед кем будет держать ответ на рассвете.

Сам же Цзя Чжипо ничуть не паниковал. Шум, поднятый накануне, стоял на весь особняк; если бы старая матушка и Цзя Шэ до сих пор ничего не ведали, это было бы сродни чуду.

Если он не ошибался, старая матушка закрыла на всё глаза исключительно из уважения к клану Ван. Ну и, конечно, из-за его собственного положения. Замени его на того кузена, что родился с нефритовым камнем во рту, Цзя Чжипо мог бы поручиться, что Цзя Му уже давно бы расправилась с Ван Сифэн.

Что до Цзя Шэ и госпожи Син, те, судя по всему, гневались на него самого. Цзя Шэ изначально был против его женитьбы на девице из клана Ван — к тому же родной племяннице той самой дамы из Второго дома. Наверняка старик сейчас злорадно потирал руки.

Впрочем, всё это было сущими пустяками. Цзя Чжипо полагал, что со всем справится. Куда важнее было наверстать то, что не удалось завершить вчерашней ночью.

— Всем уйти. У господина есть разговор с вашей хозяйкой.

Бросив взгляд на Пиньэр и прочих служанок, собиравшихся помочь ему подняться, Цзя Чжипо

отдал приказ в лоб.

Пинъэр на мгновение растерялась, но всё же поклонилась и вывела остальных. Будучи наложницей, которую Ван Сифэн привезла с собой из клана Ван, она понимала: ступив на порог усадьбы герцога, сперва нужно хорошенько взвешивать каждый шаг.

Встретившись взглядом с Цзя Чжипо, Ван Сифэн тоже опешила. Впрочем, изумление длилось недолго — Цзя Чжипо уже раскрыл рот:

— Фэн'эр, иди сюда, побудь с господином, еще немного полежим.

От испуга Ван Сифэн едва не лишилась чувств. Хотя её род к моменту правления отца изрядно обеднел, она с малолетства воспитывалась подле бабушки из клана Ван и в вопросах этикета ни в чем не уступала барышням вроде Трех сестер Цзя. И пусть в клане Ван не слишком жаловали книжную ученость, строгие правила соблюдались неукоснительно. Утром первого же дня после свадьбы старшие наверняка ждали их в парадных покоях, а он зовет её обратно в постель?

Но то ли её подавила неожиданно изменившаяся с самого утра властная аура Цзя Чжипо, то ли в памяти мелькнули те самые конфуцианские заветы о повиновении, только Ван Сифэн, густо покраснев, все же неуверенно забралась на ложе.

Отправляясь урезонивать Цзя Баоюя, она была облачена в парадное платье по всем правилам. Но стоило ей вернуться в комнату, как её беспричинно потянуло переодеться. Сейчас на ней оставалось лишь легкое нижнее белье.

Не успела она толком устроиться, как Цзя Чжипо без лишних слов загреб её мягкое тело в охапку и властно прижал к постели.

Белый день на дворе, что ты удумал? Старая матушка, батюшка и матушка — все ведь ждут!

Ван Сифэн испуганно дернулась от его напора. Она-то думала, он просто хочет немного отдохнуть после хвори, а этот наглец оказался куда смелее, чем она предполагала.

Не успела она попытаться встать, как Цзя Чжипо крепко прижал её за плечи: — Свечи брачные еще горят, а мы с тобой толком и не пожились по-людски. Лежи смирно.

Ван Сифэн подняла глаза и вперила взгляд в склонившееся над ней лицо.

Властный нрав этого мужчины в сочетании с утонченными, более красивыми, чем у иной женщины, чертами лица на миг заставили ее полностью потерять дар речи.

<http://bllate.org/book/19342/1891414>